

10. В глаголах будущего времени в результате стяжения комплексы звуков *-аби, -ави, -айи, -ари* превращаются в долгий *ā*:

ЛЯ		ХГ
<i>гъаризе</i>	«сделать»	<i>гъāйзе</i>
<i>абизе</i>	«сказать»	<i>āйзе</i>

Таким образом, можно констатировать, что в исследуемом говоре функционирует относительно развитая система вокализма, в которой значительное место занимают долгие гласные, возникающие в результате различных комбинаторных процессов в системе языка. Пути возникновения долгих гласных весьма разнообразны и в основном связаны со стремлением носителей исследуемого говора упростить звуковые комплексы для удобопроизносимости речевых норм.

Список литературы

1. Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка / Ш. Г. Гаприндашвили. – Тбилиси, 1966. – 28 с.
2. Магомедмансуров М. Г. Фонетические и морфологические особенности данухского говора аварского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Магомедмансуров. – Махачкала, 2006. – 25 с.
3. Магомедова П. Т. Чамалинско-русский словарь / П. Т. Магомедова. – Махачкала, 1999. – 437 с.
4. Магометов А. А. Основные особенности кубачинского диалекта даргинского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Магометов. – Тбилиси, 1948. – 23 с.
5. Микаилов Ш. И. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов / Ш. И. Микаилов. – Махачкала, 1958. – 159 с.
6. Саидов М. С. Нахахиндальские говоры аварского языка / М. С. Саидов. – Рук. фонд. ДНЦ РАН, 1953. – 172 с.
7. Султанбегова Ш. М. Фонетические и морфологические особенности тлайлухского говора аварского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ш. М. Султанбегова. – Махачкала, 2005. – 27 с.
8. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание / П. К. Услар. – Тифлис, 1889. – Т. III: Аварский язык. – 550 с.
9. Юсупова Р. М. Фонетические и морфологические особенности инховского говора аварского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. М. Юсупова. – Махачкала, 2007. – 26 с.

КУЛЬТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЛАВЯНСКОЙ И ИРАНСКОЙ ФРАЗЕМИКИ

М.Г. Делинад

В статье через структурный и семантический анализ идиом славянских и иранских языков показано значительное сходство в концептуальной сфере славянской и иранской фразеологии по сравнению с языковой. Хотя в славянских и иранских языках проявляются разные способы вербализации одного и того же концепта, большинство идиом репрезентируют одни и те же концепты. Однако при их сопоставлении крайне редко обнаруживается полная фразеологическая эквивалентность.

Considerable similarity in the conceptual field of Slavic and Iranian phraseology in comparison with the language one is shown in the article through the structural and semantic analysis of idioms. Though different ways of verbalizing the same concept are shown in the Slavic and Iranian languages, a majority of idioms of representation are the same concepts. However, when compared they rarely demonstrate complete phraseological equivalence.

Ключевые слова: славянская фраземика, иранская фраземика, концепт, эквивалентность.
Key words: Slavic phraseology, Iranian phraseology, concept, equivalence.

Тема национально-культурной специфики является достаточно традиционной для исследований фразеологии. На протяжении многих лет в работах утверждалось, что фразеологические единицы (далее – ФЕ) представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа [3,

с. 37]. Например, А.М. Бабкин утверждает, что во ФЕ неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации [1, с. 7]. Изучение национальной специфики русской, персидской и таджикской фраземики может способствовать оптимизации процесса общения между этими культурами [8, с. 197–198].

«Целесообразно выделить два принципиально различных понимания национальной специфики. В первом случае национально культурная специфика некоторого явления данного языка определяется относительно некоторого другого языка. Такой подход может быть назван сравнительным или сопоставительным. Во втором случае речь идет о представлениях носителей того или иного языка о национальной маркированности соответствующих единиц языка вне сопоставления с другими языками. Такой подход с известной долей условности может быть назван интроспективным» [3, с. 48]. При лингвокультурологическом подходе важно помнить, что культурно значимыми оказываются не все межъязыковые различия, а лишь те из них, которые являются неслучайными и имеют культурно обусловленные причины и/или культурно значимые следствия [3, с. 40]. Национальное своеобразие фразеологии проявляется в структурно-грамматических, лексических, стилистических, фонетических, семантических свойствах. Однако наиболее ярко национально-культурная специфика проявляется в семантической организации фразеологизмов [6, с. 35].

Национальная особенность фразеологии того или иного языка может проявляться как в характеристиках ее внутриязыковой организации, так и в уникальности различных фактов национальной культуры, получивших отражение во ФЕ [2]. Исследователи полагают, что национальная неповторимость ФЕ складывается из следующих составляющих, обусловленных экстралингвистическими особенностями:

- ✓ ФЕ могут отражать национальную культуру своими актуальными фразеологическими значениями, служащими экспрессивному наименованию явлений, присущих только данному народу;
- ✓ фразеологизмы могут отражать национальную культуру прямым значением переменного словосочетания (генетического прототипа), положившего основу фразеологизма; словосочетания, являющиеся основой ФЕ, описывают определенные традиции, особенности культуры, быта, исторических событий страны;
- ✓ ФЕ могут отражать специфику национальной культуры в прямых значениях лексических компонентов, входящих в их состав.

Концепты, выражаемые ФЕ, знакомы носителям языка, однако образы, лежащие в основе их фразеологических значений, в разных языках специфичны, так как выражают неповторимую этнопсихологию народов. Большинство ФЕ дословно не переводимо, они передаются на другие языки с помощью фразеологических эквивалентов или аналогов, построенных на иных образах. Именно фразеологический образ чаще всего сохраняет национальную специфику ФЕ, поскольку он опирается, как правило, на реалии, известные только одному народу – творцу и носителю соответствующего языка. Например, ФЕ *пятое колесо в телеге* означает «нечто абсолютно излишнее». Таким образом, именно носитель языка, опираясь на знание своей национальной культуры, может правильно дешифровать представления, положенные в основу фразеологической единицы, но остающиеся непонятными для носителей иной лингвокультуры. Национальная специфика ФЕ *пятое колесо в телеге* связана с тем, что в сознании русского народа разграничены понятия «телега» и «воз»: *телега* – это ‘четырёхколесная повозка, являющаяся средством перевозки грузов’, *воз* – ‘повозка с кладью, грузом’. Представление о четырёхколесном средстве передвижения, перевозки, для которого пятое колесо – совершенно ненужное, нелепое дополнение, образно мотивирует целостное значение ФЕ – ‘совершенно ненужный в каком-либо коллективе человек’. Однако такое представление может оказаться чуждым другому языковому сознанию. Они могут посчитать пятое колесо запасным и поэтому нужным, а не лишним. Это объясняется тем, что народы, живущие в разных социальных и природных условиях, имеющие разную историю, религию, нравы, принципы морали, психологию и т.п., смотрят на мир по-другому.

Национальная специфика фразеологического представления отражает образ жизни и характер народа, его историю, духовную жизнь, своеобразные традиции, обычаи и этнический быт в специальном отборе лексических компонентов для той или иной фразеологической единицы [7, с. 59]. Маркированность национальной специфики фразеологического образа часто создается отбором весьма специфической для данного народа лексики, например, собственно анималистическим компонентом ФЕ. В связи с тем, что иранский народ – носитель восточной культуры, а русский – славянской, один и тот же анималистический компонент фразеологизма вызывает различные ассоциации. Например, персидская и таджикская ФЕ *sag xord* (букв. «собака съела») передает значение неблагодарности, жестокости, свирепости. Все иранцы без особого труда понимают значение этой ФЕ, так как собака у них – носитель негативной коннотации – злости, низкородности. У русских же наоборот, собака ассоциируется с верностью, преданностью и одновременно с заброшенностью, отсутствием комфорта. Отсюда выражения русского языка «собачья преданность», «собачья жизнь» и др. Все это объясняется тем, что русская и иранская культуры имеют совершенно разные философские истоки и основы формирования, в частности, географические, что обусловило значительные их расхождения.

В формировании русского национально-культурного ареала важную роль сыграло христианство. В русском языке имеется достаточное количество фразеологизмов библейского происхождения, например, в *поте лица* – ‘усердно, без устали, не переставая, очень старательно (делать что-либо, трудиться и т.п.)’; *волк в овечьей шкуре* – ‘жесткий, жестокий, злой человек, прикрывающий свои дурные намерения или действия видимостью добрых и мягких речей и поступков’ и т.д., а в персидском и таджикском языках фразеологизмов, связанных с религией, гораздо меньше, поэтому фразеологические образы часто различаются.

Итак, фразеологический образ как один из компонентов плана содержания ФЕ является основным «хранителем» национальной специфики фразеологизма [7, с. 61]. Выявление национально-культурных особенностей ФЕ очень важно при анализе фразеологизмов и позволяет не только обогатить образные ресурсы родного языка, но и в некоторой степени приобщиться к видению мира в иной языковой системе. Таким образом, есть все основания, исследуя национально-культурный аспект ФЕ, акцентировать внимание на примате действительности по отношению к языку, на том, что неадекватное семантическое содержание ФЕ, в первую очередь, ФЕ может быть обусловлено принадлежностью сферы означаемого к той или иной социокультурной системе [5 с. 119–120].

В соответствии с вышеуказанным, мы обнаружили ФЕ, выражающие одни и те же концепты, но содержащие в своей структуре национально-специфические свойства. Такие соответствия ФЕ мы называем частичными фразеологическими эквивалентами и фразеологическими аналогами.

ФЕ *по пальцам можно сосчитать* (кого, что); ср.: персидская ФЕ *be teedade angostane dast* (букв. «по количеству пальцев руки») выражают один и тот же сигнификат «очень мало». Жесты, которые обозначаются этими двумя ФЕ, содержат национальную специфику, хотя жесты совпадают по значению, но расходятся по форме. И русские, и иранцы считают на пальцах. При этом русские сгибают пальцы к ладони, но иранцы не сгибают пальцы. Тожественная семантика и частичное тождество в плане выражения делают данные ФЕ частичными фразеологическими эквивалентами.

Вышеуказанные соответствующие ФЕ *пятое колесо в телеге* и *sar bar* (букв. «сидящий на голове») мы называем фразеологическими аналогами. В отличие от частичных эквивалентов, фразеологические аналоги различаются и по семантике (обычно по образности) при одинаковых концептах.

Кроме фразеологических эквивалентов и аналогов, при анализе ФЕ русского и персидского языков мы обнаружили также лакунарные и безэквивалентные единицы, которые можно считать признаком национального своеобразия одного языка и одновременно источником неадекватного или неполного понимания данных ФЕ носителями этноязыковой другой культуры [8, с. 202]. Фразеологические лакуны – это от-

существование соотносимой ФЕ во фразеологической системе одного из сопоставляемых языков при наличии общего концепта. Так, ФЕ *вкручивать [вкрутить] мозги* – ‘преднамеренно внушать что-либо заведомо неправильное, ложное, стараясь обмануть, провести кого-либо’ – в персидском языке вообще не имеет сопоставимой ФЕ. Значение этой ФЕ передается словами. Фразеологизмы-лакуны обычно компенсируются словами или словосочетаниями. Безэквивалентные ФЕ – это ФЕ, присущие только данной языковой системе и отсутствующие в другой в связи со спецификой национальных концептосфер. Большая часть русских безэквивалентных ФЕ взята из Библии, греческой мифологии, русской истории и русского фольклора. Например, *ради [для] прекрасных глаз* кого, чьих обозначает ‘из одной симпатии к кому-либо, даром, бескорыстно (делать что-либо)’. В персидской концептосфере данный концепт отсутствует. Иранцы толкуют его как элемент иноязычной концептосферы только с помощью словосочетаний, развернутых описаний.

Л.Г. Золотых предлагает различать дискурсивное пространство фразеологизма, характеризующееся протяженностью и объемом, как «интернациональную категорию, представляющую собой речемыслительный ареал существования знаков косвенно-производной номинации», а дискурсивное поле фразеологизма – как «пространственную идиоэтническую категорию, в пределах которой проявляется *взаимодействие* идиоматики, сознания и культуры» [4, с. 72]. Выявление соотношения и взаимодействия семантики ФЕ и лежащих в их основе знаний, отформатированных в виде представлений, образов, концептов и фреймовых структур, становится возможным в процессе когнитивно-семантического моделирования фразеологического значения. «Дискурсивное пространство устойчивых денотативных ситуаций является естественным источником порождения единиц косвенно-производной номинации, способных одновременно репрезентировать социальную, мировоззренческую и собственно лингвистическую информацию в единстве семиологических, ситуативных и социально-культурных факторов» [4, с. 72–73].

Таким образом, безэквивалентные ФЕ одного народа сигнализируют об отсутствии концепта в концептосфере другого народа, а лакуны – об отсутствии ФЕ при наличии у них общего концепта. Здесь необходимо заметить, что безэквивалентность можно понимать в широком смысле: безэквивалентными считать и ФЕ-лакуны, так как лакунарные и безэквивалентные фразеологизмы обладают принципиальным лингвистическим сходством: фразеологизмам одного языка соответствуют в другом не ФЕ, а слова или словосочетания.

Лингвокультурологический анализ ФЕ в русском, персидском и таджикском языках позволяет сделать вывод о существовании большого количества ФЕ, выражающих одни и те же концепты, и почти полном отсутствии между ними полной фразеологической эквивалентности.

Список литературы

1. Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография / А. М. Бабкин. – Л., 1979. – С. 4–19.
2. Верепагин Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение / Е. М. Верепагин, В. Г. Костомаров. – М., 1982. – С. 89–97.
3. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
4. Золотых Л. Г. Иди туда – не знаю куда, найди то, что не знает никто / Л. Г. Золотых // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 3. – С. 71–75.
5. Мамонтов А. С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения / А. С. Мамонтов. – М., 2000. – 187 с.
6. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
7. Солодуб Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55–65.
8. Сорокин Ю. А. Национально-культурные аспекты речевого мышления / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985. – С. 184–202.